

Японские исследования. 2020. № 3. С. 107–122.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 107–122.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022

Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.)*

В.А. Перминова

Аннотация. Тайвань, бывший в течение полувека японской колонией (1895–1945 гг.), в силу ряда факторов до сих пор остаётся единственным регионом, жители которого, пережив длительное японское правление, не акцентируют внимание на негативных сторонах этого периода. Вопросы исторического прошлого, хотя напрямую не сказываются на развитии традиционно тесных японо-тайваньских отношений, тем не менее играют важную роль в формировании такого феномена как «тайваньская идентичность» и оказываются неразрывно связанными с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики Китайской Республики. Продолжающийся уже более полувека антагонизм между материковой и островной частями Китая, вкупе с текущей международной обстановкой, в свою очередь, также сказываются на оценке тайваньцами своего колониального прошлого, политики Японской империи в первой половине 20-го столетия, а также на восприятии жителями острова современной Японии.

В статье рассматриваются подходы руководства КР к вопросам исторического прошлого при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) – в период, когда власти выстраивали одинаково хорошие отношения как с Японией, так и с КНР на основе нового понимания «тайваньской идентичности». Прилагая усилия по примирению сторонников и противников независимости КР, президент попытался сформировать в тайваньском обществе более взвешенный подход к пониманию собственной истории – периодам японского и китайского правления на Тайване, а также роли Японии в формировании современной КР. Называя себя «лучшим другом Японии», Ма Инцзю реализовывал курс на дальнейшее укрепление отношений с Токио, но вместе с тем придерживался жёсткой позиции в отношении территориального спора – вопроса принадлежности островов Дяюйдао (釣魚島) / Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяюйтэй 釣魚臺 как их называют на Тайване), который вновь появился на повестке японо-тайваньских отношений. При этом, характерной особенностью периода правления Ма Инцзю стало то, что актуализация проблем исторического прошлого не мешала развитию японо-тайваньского сотрудничества, а имидж Японии на Тайване в 2008–2016 гг. оставался неизменно положительным.

Ключевые слова: Тайвань, Япония, Китайская Республика, Дяюйдао, Сэнкаку, вопросы исторического прошлого, международные отношения.

Автор: Перминова Вера Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ (адрес: 125993, Москва, Ленинградский пр-т, 49). E-mail: verger177@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Historical memory and its influence on relations between Tokyo and Taipei under president Ma Yingjiu (2008–2016)*

V.A. Perminova

Abstract. Taiwan, a former colony of Japan (1895–1945), due to a host of different factors, still remains one of the few regions that doesn't place an emphasis on the negative sides of a rather long period of colonial rule. Though the problems of the historical past do not have a great impact on developing the traditionally close relations between Japan and Taiwan, they play an important role in forming the "Taiwanese identity" and are closely related to current issues of foreign and domestic policy of the Republic of China. The still ongoing feud between Mainland China and Taiwan, coupled with the current international political situation, in their turn, also have an effect on the evaluations of the colonial past, the policy of the Japanese Empire in the first part of the 20th century, and the perception of contemporary Japan in Taiwan.

The article discusses approaches of Taiwanese authorities to problems of the historical past under president Ma Yingjiu (2008–2016) – the period when Kuomintang built up similarly good relations with Japan and China on the basis of a new conception of "Taiwanese identity". Making an effort to harmonize pro-unification and pro-independence parties, the president tried to form in Taiwanese society a balanced approach to understanding the Japanese and Chinese periods of Taiwanese history, as well as the role of Japan in the formation of the modern Republic of China. Calling himself "the best friend of Japan", Ma Yingjiu continued to strengthen ties between Tokyo and Taipei, and, at the same time, pursued a hard line in the territorial dispute with Japan – the question of sovereignty over Diaoyudao (釣魚島)/Senkaku islands (or Diaoyutai islands 釣魚臺 as they are called in Taiwan), which reappeared on the agenda of relations between Japan and Taiwan. However, problems of the historical past in the Ma Yingjiu era did not hamper the development of cooperation between Tokyo and Taipei, while the image of Japan remained constantly positive.

Keywords: Taiwan, Japan, Republic of China, Diaoyudao, Senkaku, problems of the historical past, foreign affairs.

Author: Perminova Vera A., PhD (History), researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: 49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: verger177@yandex.ru

Вопросы исторического прошлого, связанные с экспансией Японской империи в Азии в первой половине XX в., до сих пор сохраняют свою актуальность во взаимоотношениях Японии со своими соседями – её бывшими колониями и странами, подвергшимися военной оккупации в период Второй мировой войны. В первую очередь, это относится к Китайской Народной Республике и Республике Корея – странам, противоречия с которыми на почве интерпретации военного прошлого Японии не утихают последние несколько десятилетий. Вместе с тем, Тайвань, бывший в течение полувека японской колонией (1895–1945 гг.), в силу ряда факторов до сих пор остаётся единственным регионом мира, который, испытав

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

на себе наиболее длительное японское правление, не акцентирует внимание на негативных сторонах этого периода. Кроме того, восприятие японцев в тайваньском обществе на протяжении всего послевоенного периода и до сих пор остаётся положительным, что заметно контрастирует с преимущественно отрицательным имиджем Японии в современной Корее, также в прошлом бывшей колонией Японской империи, не говоря уже о явно отрицательном восприятии японцев в КНР.

Основные дискуссии по поводу трактовок японского присутствия на Тайване и итогов Второй мировой войны, как правило, ограничиваются узким кругом вопросов – это требование признания Японией своей вины перед тайваньскими женщинами, которые в военные годы были отправлены в военные бордели для «утешения» солдат японской армии (т.н. женщины для утешения, кит. *вэйаньфу* 慰安婦), требование денежных компенсаций для таких женщин, а также оспаривание суверенитета над островами Дяюйдао (釣魚島) / Сэнкаку (尖閣諸島) (или Дяююйтай 釣魚臺 как их называют на Тайване). Важно отметить, что все эти вопросы имеют отношение не ко всему периоду японского правления, а к военному времени (проблема *вэйаньфу*) либо к трактовке итогов войны (территориальный спор). Обсуждения в обществе и СМИ по поводу аспектов собственно колониальной политики на острове в основном происходили в 1990-е и начале 2000-х годов в ходе дискуссий по поводу компенсаций «женщинам для утешения», которые, в свою очередь, как считают многие исследователи, были сильно политизированы и нередко переходили на уровень межпартийного противостояния – главным образом, между Гоминьданом и Демократической прогрессивной партией (ДПП).

Формированию коллективной памяти о японском присутствии на Тайване способствовали как внутривнутриполитические, так и внешнеполитические факторы. Несомненно, международная обстановка, сложившаяся к середине XX в., разделение мира на два противоборствующих лагеря и сохраняющаяся угроза военного присоединения острова к коммунистическому Китаю, главным образом влияли на выстраивание японо-тайваньских отношений после 1945 г., а с ним и на формирование в обществе коллективной памяти о японском периоде. Вместе с тем антагонизм между материковой и островной частями Китая, будучи в первые десятилетия после войны только лишь дипломатической повесткой в отношениях Тайваня с внешним миром, с началом демократизации острова в 1990-х годах постепенно перешёл во внутривнутриполитический дискурс и стал поводом для переоценки собственного колониального прошлого.

Противопоставление Тайваня материковому Китаю в контексте отстаивания либеральных и демократических ценностей (при президенте Ли Дэньхуэ 李登輝 в 1988–2000 гг.) и даже стремления к приобретению политической независимости (в период администрации Чэнь Шуйбяня 陳水扁 в 2000–2008 гг.) предполагало также и противопоставление тайваньского общества китайскому. Основой для этого стал т.н. тайванецентричный подход к пониманию собственной истории, который предполагал акцент на уникальности тайваньской истории, культуры, языка и этнического состава населения (все те элементы, которые составляют «тайваньскую идентичность»), нередко за счёт сильного преуменьшения или отрицания влияния китайской материковой культуры и истории [He Yinan, 2014, p. 475–476]. В этом смысле привнесённые на остров в первой половине 20-го столетия элементы японской традиции и новая система ценностей служили дополнительным

аргументом для подтверждения уникальности Тайваня и особой идентичности у местных жителей.

Эта тенденция была немного приглушена в период правления Ма Инцзю (馬英九), представителя партии Гоминьдан, который предпринял попытку выстроить дружественные отношения как с Японией, так и с КНР на основе нового понимания «тайваньской идентичности» (основным элементом которой теперь являлась китайская традиционная культура). При этом важно, что, прилагая усилия по примирению сторонников и противников независимости Китайской Республики, президент попытался сформировать в тайваньском обществе более взвешенный подход к пониманию собственной истории – периодам японского и китайского правления на Тайване, а также проблемам исторического прошлого и роли Японии в формировании современной КР.

Победа Ма Инцзю на выборах в 2008 г. означала возвращение к власти Гоминьдана после восьмилетнего правления ДПП. Внешняя политика Тайваня с этих пор характеризовалась значительной сдержанностью в его отношениях с материковым Китаем и желанием избежать конфликтных ситуаций для построения взаимовыгодного сотрудничества. Если в предыдущие годы власти проводили прояпонскую политику, ориентируясь на тесные связи с Токио при президентах Ли Дэнхуэе и Чэнь Шуйбяне, то Ма Инцзю придерживался «золотой середины», стремясь развивать одинаково хорошие отношения как с Японией, так и с КНР. На фоне предыдущих 20 лет, когда политика КР носила явно антикитайский характер, в результате чего отношения Тайбэя и Пекина существенно осложнились, политический курс Ма Инцзю стал «прекращением огня» в противостоянии КР и КНР. В период президентства Ли Дэнхуэя и Чэнь Шуйбяня власти придерживались курса на получение Тайванем независимости, стремление к демократии и противостояние КНР. Ма Инцзю, в свою очередь, избрал политику соблюдения «Консенсуса 1992 г.» (договорённости, предполагающей признание обеими сторонами единства и единственности Китая: «Китай и Тайвань – не отдельные государства» 一个中国, 各自表述), что предполагало возврат японо-тайваньских отношений к формату полностью неофициальных.

В представлении японских политиков приход к власти Ма Инцзю предполагал изменение «дружественных отношений с Японией» на «дружественные отношения с КНР». Нового президента КР, до этого занимавшего пост мэра Тайбэя, Токио в целом относил к числу политиков, настроенных скорее враждебно, чем дружественно по отношению к Японии. Ещё до своего избрания Ма Инцзю критиковал излишне мягкую позицию Чэнь Шуйбяня в отношении спорных островов Дяоюйдао/Сэнкаку и призывал вернуться за стол переговоров по вопросу принадлежности этих территорий¹. Помимо этого, он выступал с резкой критикой военных преступлений Японии в Китае и в отношении событий прошлого заявлял, что «нужно простить, но не забыть» те беды, которые пришлось испытать китайскому народу из-за японской агрессии [Цзя Чаовэй, 2011, с. 102–103; Гордеева И.В., 2012, с. 45].

¹ Вопрос о принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку являлся не только частью политической программы Ма Инцзю, но и темой его научных изысканий. Получив юридическое образование в Национальном университете Тайваня, Ма Инцзю защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете по юридическим аспектам суверенитета КР над этими островами.

Практически сразу после вступления Ма Инцзю в должность произошло несколько событий, которые продемонстрировали некоторое отдаление Тайбэя от Токио:

- Во время инаугурационной речи в мае 2008 г. президент КР, говоря о приоритетных направлениях внешней политики Тайваня, упомянул только США, ничего не сказав о Японии. Это было расценено как невнимательное отношение Тайбэя к двусторонним отношениям [Ма Инцзю, 2008].

- Отставка руководителя тайваньского представительства в Японии Сюй Шикая (許世楷), причём с конца мая по июль эта должность оставалась незанятой, что также рассматривалось японской стороной как неуважительное отношение со стороны Тайваня [Цзя Чаовэй, 2011, с. 101–103].

- Инцидент с тайваньским рыболовецким судном, столкнувшимся в июне 2008 г. с патрульным катером Японии в районе островов Дяюйдао/Сэнкаку.

В период правления Ма Инцзю КР впервые за долгие годы вновь стала заявлять о своих претензиях на острова Дяюйдао/Сэнкаку – группу из восьми островов в Восточно-Китайском море, суверенитет над которыми помимо Тайваня оспаривают Япония и КНР. Претензии КР в отношении этих территорий основываются на тех же аргументах, которые приводит КНР в свою пользу: в эпоху Цин острова были частью китайской провинции Тайвань, впоследствии по итогам японо-китайской войны 1894–1895 гг. они в составе этой провинции перешли Японской империи и впоследствии так и остались закреплёнными за Тайванем, от которого по итогам Второй мировой войны отказалась Япония. В силу того, что по условиям Сан-Францисского мирного договора 1951 г. статус Тайваня остался неопределённым, КР считает острова Дяюйдао/Сэнкаку своей территорией, а КНР – своей, вместе с Тайванем и прочими прилегающими к нему более мелкими островами.

КР впервые заявила о том, что она имеет право на эксплуатацию запасов нефти на шельфе в районе этих островов в 1969 г., вскоре после того, как там обнаружили запасы углеводородов. В 1970 г. тайваньские власти объявили острова принадлежащими КР. В 1971 г., в период подготовки договора о передаче американской администрацией островов Рюкю (вместе с островами Сэнкаку) под юрисдикцию Японии, власти КР выступили против подписания этого соглашения, считая включение Дяюйдао в состав японской префектуры Окинава незаконным [Киреева, 2013, с. 4–5]. С этого момента Тайвань, так же как и КНР, стал оспаривать суверенитет над островами Дяюйдао.

В самом начале 1970-х годов после пролонгации японо-американского Договора безопасности в 1970 г. и возвращения Японии Окинавы по договору 1971 г. возникло «Движение в защиту островов Дяюйдао» (*баодяо* 保釣/保釣愛國運動) – патриотическое движение в защиту суверенитета Китая над этими территориями, объединяющее активистов в материковом Китае, Макао, Гонконге, на Тайване и китайскую диаспору за рубежом. Участники движения *баодяо* регулярно проводили акции протеста, приближаясь на катерах и рыболовецких судах к спорным территориям, нередко совершая попытки высадки на берег².

Одним из подобных инцидентов стало потопление корабля движения *баодяо* 10 июня 2008 г., когда рыболовецкое судно КР «聯合號» столкнулось с японским патрульным катером вблизи островов Дяюйдао/Сэнкаку. В результате столкновения тайваньское судно

² Впоследствии активисты этого движения стали присоединяться к антияпонским протестам в Китае и за рубежом, не связанным напрямую с территориальным спором.

было пробито и затонуло, находившихся на борту 16 человек экипажа сотрудники японской береговой охраны вытащили из воды и доставили на о. Исигаки для проведения допроса, командир корабля был задержан. Реакция властей Тайваня после этого инцидента была достаточно жёсткой – МИД опубликовал официальное заявление из четырёх пунктов, основной смысл которых следующий: острова Дяюйтай являются территорией Китайской Республики; КР неизменно защищает суверенитет над этими территориями; власти Тайваня заявляют решительный протест в связи с задержанием судна, нанесением ему вреда и арестом капитана корабля; КР требует от японской стороны прекратить задержание капитана судна, извинений и возмещения материального ущерба; Тайвань намерен укрепить боеспособность таможенной патрульной службы [Министр иностранных дел Оу Хунлянь..., 2008]. На следующий день после публикации этого заявления японская сторона выпустила из-под ареста капитана рыболовецкого судна и принесла свои извинения за случившееся. Вместе с тем 14 июня Токио также опубликовал заявление, в котором он возлагал вину за инцидент на экипаж тайваньского судна и, в свою очередь, тоже требовал компенсаций. В ответ на это КР отозвала своего официального представителя в Японии [He Yinan, 2014, p. 495].

Это был первый случай за предшествующие 20 лет, когда власти КР официально заявили о своей принципиальной позиции по вопросу принадлежности островов. Инцидент с потоплением тайваньского корабля вызвал волну протеста под началом активистов движения *баодяо*. 15 июня 2008 г. участники этого движения одновременно вышли в море на катерах из портов Гонконга, Тайваня и КНР (из г. Сямэня) и в качестве акции протеста проплыли вблизи островов Дяюйдао (тайваньское судно обогнуло острова). Важной особенностью этой акции было то, что тайваньская сторона, хотя формально и участвовала в ней, однако постаралась максимально дистанцироваться от остальных активистов – их судно прошло в сопровождении фрегата в тот же день, но в другое время, на борту корабля могли присутствовать только тайваньцы, кроме того, власти КР заявляли, что Тайвань отстаивает свой суверенитет над островами и защищает права тайваньских рыболовов, которые столетиями занимались рыбной ловлей в районе этих островов. Акция прошла без каких-либо происшествий, однако Токио впоследствии осудил Тайбэй за вторжение в территориальные воды Японии [He Yinan, 2014, p. 494–495].

Довольно жёсткая реакция Тайбэя на инцидент с потоплением рыболовецкого судна была не столько показателем того, что КР кардинально пересматривает своё отношение к Японии, сколько стремлением показать, что Гоминьдан гораздо решительнее, чем ДПП отстаивает интересы Тайваня на международной арене. Особую чёткость позиции КР по поводу принадлежности спорных островов придавало также нежелание Тайваня выступать с КНР «единым фронтом» и противопоставлять КР Японии, находясь при этом в «одном лагере» с материком. Традиционное давление со стороны Пекина на тайваньские власти примкнуть к антияпонским акциям в моменты, когда японо-китайские отношения обострялись на почве вопросов исторического прошлого, неизменно приводило к тому, что КР демонстративно отдалялась от материка, заявляя о «собственном споре с КНР» [Гордеева И.В., 2015, с. 109–110].

Вместе с тем, определённое нагнетание напряжённости в японо-тайваньских отношениях не поддерживалось широкой общественностью в КР – президента критиковали за излишне строгие меры по отношению к Токио и сознательное ухудшение двусторонних отношений. Впрочем, Ма Инцзю не собирался отказываться от тесных торгово-экономических

связей с Японией. Президент заявлял, что является «лучшим другом» этой страны, и прилагал значительные усилия для укрепления двусторонних связей. Характеризуя японо-тайваньские отношения как «специальное партнёрство», президент КР способствовал поддержанию контактов между Токио и Тайбэем в различных областях, несмотря на их неофициальный статус. После того, как напряжённость в связи с инцидентом в июне 2008 г. постепенно сошла на нет, власти КР в 2009 г. выступили с рядом инициатив по укреплению японо-тайваньского взаимодействия – министром иностранных дел Тайваня Оу Хунлянем (歐鴻鍊) была разработана программа развития двусторонних отношений по 5 основным направлениям: экономическое и торговое сотрудничество, культурные обмены, молодёжная политика и студенческие обмены, развитие туристической сферы, поддержание диалога между сотрудниками научных центров Японии и Тайваня.

В результате в 2010–2012 гг. между сторонами был подписан целый ряд документов, касающихся торгово-экономического и промышленного сотрудничества, взаимодействия в патентной сфере, соглашение об «открытом небе», защите инвестиций, а также комплекс договорённостей в гуманитарной сфере [Цзя Чаовэй, 2011, с. 106–107]. Токио и Тайбэй оказывали помощь друг другу после стихийных бедствий – в 2009 г. после мощного тайфуна на Тайване Япония направила в Тайбэй товары первой необходимости и оказала материальную помощь, в 2011 г. Тайвань активно помогал Японии преодолеть последствия цунами и аварии на АЭС (КР направила 560 тонн гуманитарных грузов и перечислила более 18 млрд иен) [Гордеева, 2015, с. 89–90].

В стратегическом отношении Ма Инцзю считал дальнейшее укрепление японо-американского альянса на основе Договора безопасности наилучшей гарантией безопасности в регионе, хотя не форсировал слишком активную включённость Тайваня в этот договор. Контакты между представителями власти Тайваня и Японии сохранялись на достаточно высоком уровне – за 2010–2012 гг. КР посетили бывшие премьер-министры Японии Асо Таро, Абэ Синдзо и Мори Ёсиро, а на полях саммита АТЭС в 2012 г. состоялась встреча премьер-министра Нода Ёсихико с бывшим вице-президентом КР Лянь Чжанем (連戰). По объёму заключённых соглашений и состоявшихся встреч 2011 г. был назван МИД Тайваня годом, когда двусторонние отношения находились в «точке наивысшего подъёма» [He Yinan, 2014, p. 495].

Обострение отношений между Токио и Пекином в 2010–2012 гг. по вопросу принадлежности островов Дяоюйдао/Сэнкаку в целом практически не отразилось на характере того же территориального спора между Токио и Тайбэем – позиция Тайваня оставалась прежней: КР будет отстаивать свой суверенитет над островами, т.к. она обязана «защищать права тайваньских рыболовов, веками осуществлявших рыбный промысел в районе островов Дяоюйтай», кроме того, Тайвань намеревался решать вопрос островов «в соответствии с собственными национальными интересами» [Глава Ассоциации по взаимным обменам..., 2012]. За период 2010–2012 гг. тайваньские участники движения *баодяо* на катерах и рыболовецких судах несколько раз проводили акции протеста, подплывая к островам, иногда пытаясь на них высадиться и объявляя через громкоговорители о принадлежности островов Дяоюйтай Китайской Республике. Японские патрульные корабли береговой охраны, в свою очередь, заставляли тайваньские корабли развернуться обратно и препятствовали высадке активистов на берег. В этих случаях Токио обычно заявлял в устной форме о неприемлемости нарушения тайваньской стороной суверенитета

Японии над островами. В августе 2012 г. Ма Инцзю попытался разрядить напряжённую обстановку, выступив с «Мирной инициативой в Восточно-Китайском море», которая предполагала решение территориального спора мирными средствами, отказ от враждебных действий и выработку правил поведения сторон в Восточно-Китайском море. Однако эта инициатива по ряду политических причин развития не получила [Президент Ма Инцзю выступил..., 2012].

Следует отметить, что акции протеста, как правило, проходили после обострения отношений Токио и Пекина. Например, после инцидента со столкновением китайского рыболовецкого судна с патрульными кораблями береговой охраны Японии 7 сентября 2010 г. тайваньские корабли в ответ на это происшествие 13 сентября также приблизились к островам Дяоюйдао/Сэнкаку. После национализации Японией спорных территорий 11 сентября 2012 г. тайваньские участники «Движения в защиту островов Дяоюйдао» 25 сентября провели свою акцию протеста: 50 кораблей под лозунгами движения *баодяо* (рыболовецкие судна с надписями «Острова Дяоюйтай – тайваньские») в сопровождении 10 патрульных катеров вошли в 12-мильную зону вокруг островов [Тайваньское рыболовецкое судно зашло в акваторию..., 2012]. Акция прошла достаточно спокойно – тайваньские суда не встретили противодействия со стороны японских катеров береговой охраны, хотя в некоторые моменты они находились друг от друга на достаточно близком расстоянии [Японская сторона сообщила..., 2012]. В день акции протеста МИД Тайваня опубликовал заявление, в котором вновь была разъяснена позиция КР по вопросу принадлежности островов [Глава Ассоциации по взаимным обменам..., 2012].

В отношении национализации островов власти КР, как и прежде, не стали выступать совместно с Пекином «единым фронтом» против Токио – Тайвань объяснял свою позицию тем, что между КР и КНР есть собственный неурегулированный конфликт по вопросу суверенитета. Впрочем, это не мешало Пекину заявлять в СМИ о том, что материковый Китай и Тайвань совместно противостоят попыткам Токио оспорить суверенитет над островами [Тайваньские корабли, 2012].

Ещё один случай с подходом кораблей движения *баодяо* к островам Дяоюйдао/Сэнкаку произошёл 24 января 2013 г., когда тайваньское рыболовецкое судно «全家福號» подошло к островам на расстояние 28 миль, после чего японские патрульные катера, применив водяные пушки, заставили его развернуться и отправиться обратно [Тайваньское судно, 2013]. Это же судно стало известно тем, что ранее, в июле 2012 г., подойдя к островам Дяоюйдао/Сэнкаку на расстояние 1,6 миль, экипаж этого корабля не позволил сотрудникам японской патрульной службы подняться на борт для проведения досмотра [Тайваньские корабли..., 2012].

Для урегулирования вопроса о праве ведения рыболовного промысла тайваньскими судами в районе Дяоюйдао/Сэнкаку Япония неоднократно выступала с предложением о предоставлении КР особых условий для ловли рыбы в этом районе. Тайваньские власти, как правило, отклоняли эти предложения под предлогом того, что КР отстаивает собственный суверенитет над островами и, следовательно, имеет полное право заниматься рыбным промыслом вблизи этих островов. Впрочем, 10 апреля 2013 г. японо-тайваньское соглашение о рыболовстве всё же было подписано. По условиям этого договора Тайвань мог вести беспрепятственную ловлю рыбы в акватории, прилегающей к островам Дяоюйдао/Сэнкаку (на морском пространстве, площадью примерно 4,5 тыс. км²), вместе с тем, заходить в 12-

мильную территориальную зону судам КР запрещалось. Для урегулирования всех вопросов совместного освоения морских территорий, прилегающих к островам, создавалась японо-тайваньская рыболовная комиссия. КР настояла на том, чтобы в соглашении было указано, что достигнутая договорённость не затрагивает вопроса суверенитета над островами [Гордеева, 2015, с. 110]. Позиция Тайваня по поводу принадлежности этих территорий была заключена в следующем: «отстаивать суверенитет, откладывая территориальный спор на будущее, стремиться к миру, способствовать совместному развитию стран», «совместно работать над освоением морских ресурсов региона» [The Implications of the Japan-Taiwan..., 2013].

Подписание японо-тайваньского соглашения о рыболовстве, которое значительно снизило напряжённость в отношениях между Токио и Тайбэем по вопросу спорных территорий, вызвало резкое осуждение со стороны КНР. Раздражающим фактором для Пекина являлось не только то, что Тайвань отказывался на какое-то время оспаривать у японской стороны принадлежность Дяюйдао/Сэнкаку, но и сам факт проведения японо-тайваньских переговоров. Хотя эти переговоры проходили под эгидой неофициальных представительств и позиционировались как неофициальные, в них, тем не менее, принимали участие сотрудники официальных ведомств (в т.ч. МИД) Японии [Гордеева, 2015, с. 110].

Выстраивая отношения взаимовыгодного сотрудничества с Токио, Ма Инцзю проводил политику укрепления экономических связей с материковым Китаем – в этом случае сторонам больше не приходилось делать выбор между двумя одинаково важными партнёрами, имея возможность развивать друг с другом максимально тесное экономическое сотрудничество, придерживаясь при этом определённых ограничений в политической сфере. Поддерживая контакты с японскими политиками-консерваторами, президент Тайваня, тем не менее, дистанцировался от сторонников независимости КР в Японии. Начиная с 2008 г. Тайвань действовал в рамках озвученного Ма Инцзю принципа «сохранения статус-кво в Тайваньском проливе»: «нет объединению, нет независимости, нет применению силы» (不統, 不獨, 不武) [Ма Инцзю, 2008]. За период 2008–2016 гг. КР и КНР подписали ряд соглашений, наиболее важными из которых стали Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве (2010 г.) и Соглашение по торговле услугами (2013 г.). Эти договоры открывали двери тайваньской экономики для китайских инвестиций, среднего и крупного бизнеса, существенно способствовали туристическим обменам.

В условиях переориентации внешней политики Тайваня с японо-американского направления на более сбалансированные отношения с КНР при сохранении тесных связей со своими стратегическими союзниками Ма Инцзю занял более «центристскую» позицию и в отношении тайваньской идентичности – проблемы, которая предыдущие десятилетия была неразрывно связана с аспектами как внутренней, так и внешней политики КР. Президент акцентировал внимание на китайской составляющей национальной идентичности жителей острова, что проявлялось в более расширенном изучении китайской истории и культуры молодым поколением тайваньцев. Путём того, что жителям напоминали об их китайских корнях, власти стремились лишить основы идею независимости Тайваня, которая базировалась на исторической и культурной уникальности острова. В период правления Ма Инцзю было популярно считать себя и китайцем, и тайваньцем (более 50 % населения), по крайней мере, доля тех, кто считал себя только тайваньцем, существенно снизилась по сравнению с тем, как было до 2008 г. [He Yinan, 2014, p. 491–492].

Если в 1990-х – начале 2000-х годов официальные лица КР присутствовали на праздничных мероприятиях в японском представительстве, посвящённых дню рождения императора Японии, что свидетельствовало об особой ценности для Тайбэя отношений с Токио и желании продемонстрировать мультикультурализм в тайваньской традиции, то Ма Инцзю, присутствовавший на церемониях поминаения Жёлтого императора (*хуанди* 皇帝) – легендарного предка китайской нации, демонстрировал приверженность традиционным китайским ценностям [Почитание предка нации..., 2016].

Власти КР вновь подняли вопрос о сопротивлении тайваньцев колониальной администрации и связи этого сопротивления с антияпонской борьбой всего китайского народа в период 1937–1945 гг. В 2011 г. в Тайбэе был открыт мемориал, посвящённый победе в антияпонской войне и «славному возрождению» Тайваня (抗日戰爭勝利暨臺灣光復紀念碑), где был отмечен вклад острова в дело борьбы с японскими захватчиками³. В 2015 г. Ма Инцзю выступил с инициативой отметить 70-летие окончания Второй мировой войны и годовщину победы Тайваня над Японией, однако это предложение вызвало неоднозначную реакцию в обществе – в частности, бывший президент КР Ли Дэньхуэй, выступавший против этой идеи, в качестве аргумента приводил тот факт, что Тайвань, в отличие от материкового Китая, не находился в состоянии войны с Японской империей [Norrens, 2018, p. 55].

В целом японское правление в учебниках истории оценивали достаточно нейтрально – хотя термин «оккупация» был возвращён в текст и вновь упоминалось об угнетении и дискриминации жителей острова, было уделено значительное внимание успехам колониальной администрации, модернизации и просвещению Тайваня [He Yinan, 2014, p. 491]. В подтверждение того, что тайваньцы помнят и ценят усилия колониальных властей по благоустройству острова, в 2011 г. в Тайване был открыт ещё один памятник – известному японскому инженеру Хатта Ёити (八田與一), под руководством которого на острове было налажено водоснабжение, сооружены водохранилища, ирригационные системы, водоотводы, создана система канализации в Тайбэе⁴.

Неизменно хорошее отношение тайваньцев к японцам, которое проявляли жители острова на протяжении всего послевоенного периода вне зависимости от текущей внутривосточной обстановки, подтверждалось результатами социологических опросов и в период правления Ма Инцзю. Причём ответные благоприятные чувства японцев по отношению к тайваньцам значительно усилились в период обострения отношений Пекина и Токио в 2010–2012 гг. – количество тех, кто симпатизировал жителям КР, оказалось даже больше, чем в период особенно тесных японо-тайваньских связей при президенте Чэнь Шуйбяне (около 70 % японцев испытывали симпатию по отношению к жителям КР). В это же время 52 % тайваньцев считали Японию наиболее привлекательной для них страной

³ Мемориал был запланирован к установке ещё в 1995 г., к 50-ой годовщине окончания Второй мировой войны, однако из-за сопротивления части общества, он был установлен лишь в 1999 г., причём по решению Законодательного юаня монумент остался без какой-либо надписи под предлогом того, что история антияпонского сопротивления имеет слишком дискуссионный характер для того, чтобы быть чётко интерпретированной. В 2011 г. памятная надпись была установлена, мемориал был открыт заново.

⁴ В апреле 2017 г. статуя была обезглавлена сторонниками объединения Тайваня с КНР, однако в течение одного месяца памятник был отреставрирован и торжественно открыт вновь в присутствии потомков Хатта Ёити. Этот случай вызвал неоднозначную реакцию в обществе – после инцидента с памятником Хатта Ёити, некоторые статуи Сунь Ятсена и Чан Кайши были обезглавлены и облиты краской [«Бронзовая статуя Хатта Ёити» в Тайване обезглавлена, 2017].

(«любимой страной»), изъявляли желание поехать туда в качестве туристов – 44 % и более 60 % заявили о чувстве близости к Японии [Гордеева, 2015, с. 91–92]. При этом, многие считали, что в будущем Тайваню следует развивать более тесные отношения с КНР, а не с Японией, как это было ранее [He Yinan, 2014, p. 492]. Всё это говорит о том, что тайваньцы выступали за поддержание хороших отношений с материковым Китаем не из-за того, что чувствовали антипатию к Японии или ощущали себя «больше китайцами, чем тайваньцами», а скорее, потому что не желали обострения ситуации в Тайваньском проливе. Ещё раз отметим, что в данном случае некоторое улучшение отношения жителей КР к материковому Китаю никак не повлияло на традиционно высокие показатели имиджа Японии на Тайване.

По мере укрепления связей с материковым Китаем Ма Инцзю, имевший и ранее репутацию прокитайского политика, со временем всё больше стал восприниматься обществом как проводник интересов КНР на Тайване. Эта тенденция стала проявляться сильнее после его избрания президентом на второй срок в январе 2012 г. и особенно с нарастанием китайского влияния на Тайвань с приходом к власти Си Цзиньпина в марте 2013 г. Население острова с настороженностью восприняло усилившуюся экономическую зависимость от материка и стремительно возросшее количество китайских туристов, буквально наводнивших КР. Подписанные с КНР соглашения (об экономическом сотрудничестве и по торговле услугами) открывали для неё широкий доступ к экономике острова, который не был в достаточной мере сбалансирован преференциями, которые получали тайваньские предприниматели в материковом Китае. В силу того, что содержание соглашения по торговле услугами (2013 г.) разрабатывалось, по сути, за закрытыми дверями, лишив широкую общественность возможности обсуждения этого договора, а впоследствии была нарушена и процедура рассмотрения его в Законодательном юане, тайваньское общество отреагировало протестом – после ратификации соглашения в марте 2014 г. недовольство вылилось в студенческую демонстрацию («Движение подсолнухов»), участники которой смогли захватить здание парламента. Случившаяся вскоре после этих событий «Революция зонтиков» – движение жителей Гонконга против намерения Пекина контролировать процесс выборов в местные органы самоуправления, и нежелание центральных китайских властей идти на какие-либо уступки оказались дополнительным аргументом против сближения КР с материком.

Значительное падение рейтинга Ма Инцзю к концу его второго президентского срока ожидаемо привело к возобновлению популярности идеи тайваньской идентичности на антикитайской основе, усилению симпатий жителей Тайваня к Японии и склонности общества поддержать на предстоящих выборах ДПП. Хотя сами по себе вопросы исторического прошлого в 2008–2016 гг. не мешали развитию японо-тайваньского сотрудничества, на фоне разочарования населения в про-китайской политике президента, его более сбалансированный подход в интерпретации вопросов прошлого тоже перестал устраивать общественность. Критика Ма Инцзю не ограничивалась только лишь внутривнутриполитическими аспектами и «китайским фактором», недовольство стала вызывать и его принципиальная позиция по территориальному спору с Японией. Это касалось не только инцидентов с заходом тайваньских судов в зону островов Дяоюйдао/Сэнкаку, но и появившегося в самом начале 2016 г. спора между тайваньской и японской сторонами по поводу определения кораллового атолла Окинотори, расположенного в территориальных водах Японии. Тайбэй заявил о том, что этот атолл является не островом, как считает Токио, а скалой, что исключает

возможность отсчитывать от его границы исключительную экономическую зону (этой же позиции придерживается и КНР) [Horrens, 2018, p. 55]. Что касается проблемы «женщин для утешения», то в период правления Ма Инцзю она не стояла на повестке японо-тайваньских отношений. Хотя президент выражал этим женщинам свою поддержку, какого-либо развития вопрос о компенсациях бывшим *вэйаньфу* не получил и эта тема ни властями, ни общественными организациями излишне не муссировалась [Suzuki, 2011, p. 244].

Оценка колониального правления и действий Японии в период Второй мировой войны, как правило, являлась на Тайване одним из аспектов дискуссии по поводу путей развития КР, её статуса и перспектив укрепления связей с ближайшими соседями – в первую очередь, с КНР, США и Японией. На внутривластной повестке проблемы исторического прошлого обычно появлялись в контексте прочих вопросов, имеющих отношение к национальной идентичности, переосмыслению собственной истории, поиску моделей дальнейшего развития общества и государства на Тайване. С учётом того, что власти часто использовали проблемы прошлого для повышения собственного рейтинга внутри острова, эти вопросы, приобретая явно политизированный характер, стали существенно меньше привлекать внимание широкой общественности, которая всё больше воспринимала их как элемент межпартийного противостояния. Как правило, сторонники более тесных отношений с КНР (в частности, Гоминьдан) чаще акцентировали внимание на отрицательных проявлениях колониального управления, тогда как сторонники независимого Тайваня (например, ДПП) обычно указывали на модернизацию острова под контролем японцев, противопоставляя её «белому террору» китайских властей в первые десятилетия после окончания войны. В этом смысле политика «золотой середины» Ма Инцзю была попыткой примирить эти два противоборствующих лагеря, убедив жителей острова в том, что они могут быть одновременно и тайваньцами, и китайцами, при этом обе эти грани единой национальной идентичности перестали быть взаимоисключающими и более не противопоставлялись друг другу, как это было в 1990-е и начале 2000-х годов.

Важно отметить, что в 2010-х годах существенным фактором в формировании внешней и внутренней политики КР являлась усиливающаяся в регионе роль материкового Китая, который более активно стал претендовать не только на региональное, но и на мировое лидерство. Принципиальная позиция КНР по спорным территориальным вопросам, более пристальное внимание Пекина к тайваньскому вопросу и значительное осложнение японо-китайских отношений в 2010–2013 гг., по сути, подталкивали КР к укреплению связей с японо-американским альянсом и решительному отказу от навязываемой экономической интеграции с материком, и, как следствие, приводили к усилению про-японских настроений в обществе и желанию Тайваня быть «ближе» к Японии, нежели к Китаю.

В таких условиях с целью сохранения баланса между КНР и Японией тайваньские власти стремились поддерживать достаточно хорошие отношения с каждой из стран, отстаивать собственные интересы КР в территориальном споре, отказываясь от явной поддержки японской либо китайской стороны в периоды обострения их отношений [He Yinan, 2014, p. 497–498]⁵. Впрочем, как показала практика, в полной мере следовать этому курсу оказалось для КР довольно трудно. Как считают некоторые учёные,

⁵ Некоторые исследователи объясняют такую политику баланса Ма Инцзю следствием того, что Тайвань в системе отношений КНР–Япония–КР представляет собой наиболее слабую из трёх вершин этого ассиметричного треугольника, находящуюся не в центре, а на периферии основных международных процессов [Chen Mumin, 2013].

маневрировать между такими весомыми игроками как КНР и Япония по мере ухудшения их двусторонних отношений в начале 2010-х годов становилось для Тайваня особенно сложно, поскольку он оказывался «сдавленным» противоречиями между Пекином и Токио, при том, что каждая из сторон ожидала, что в кризисные моменты Тайбэй поддержит именно её.

Та же зависимость просматривается и в вопросе определения тайваньцами своей национальной идентичности – в периоды конфликтов между Пекином и Токио, как правило, под нажимом китайских властей жители КР начинали с бóльшей симпатией относиться к Японии, вспоминать о положительных проявлениях колониального периода и задумываться о своей принадлежности к мультиэтничному и мультикультурному обществу, которое, по мере своего развития на основе демократических ценностей, всё сильнее отдаляется от материка. Таким образом, историческая память о японском присутствии на Тайване, оценка колониального прошлого и роли Японии в становлении современной КР, которые неизменно влияют на формирование такого феномена как «тайваньская идентичность», оказываются неразрывно связанными с самыми насущными проблемами внутренней и внешней политики Тайваня.

Уверенная победа ДПП на выборах в 2016 г. (и впоследствии в 2020 г.), которая означала возвращение к власти сторонников укрепления связей КР с США и Японией, подтвердила намерение тайваньского общества дистанцироваться от коммунистического Китая и двигаться дальше по пути демократического развития при поддержке своих главных стратегических союзников. После вступления в должность нового президента от партии ДПП Цай Инвэнь (蔡英文) японо-тайваньские отношения ожидаемо получили большое развитие, а вопросы исторического прошлого были ещё сильнее приглушены на фоне укрепления столь важных для Тайбэя связей с Токио.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гордеева И.В. Об особенностях современной позиции Японии в отношении Тайваня // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 1. С. 38–48.

Гордеева И.В. Политика Японии в отношении Тайваня: история и современность / Дисс. на соискание уч.ст. к.и.н. Москва, 2015.

Жи бэнь цзяо лю се хуэй ли ши чжан цзинь цзин чжэн бай хуэй вай цзяо бу бу чжан ян цзинь тянь шо мин жи бэнь чжэн фу «го ю хуа» дяо юй тай ле юй чжэн цэ : [Глава Ассоциации по взаимным обменам Имаи Тадаси во время встречи с министром иностранных дел Ян Цзиньтянем прокомментировал «национализацию» японским правительством группы островов Дяоюйтай] // МИД КР. 25.09.2012. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=7ACE3D5DDE29D6DA (дата обращения: 04.08.2020).

Жи фан чэн до соу тай вань бао дяо чуань цзинь жу дяо юй дао 12 хай ли хай юй : [Японская сторона сообщила о том, что несколько тайваньских кораблей Движения баодяо вошли в 12-мильную зону островов Дяоюйдао] // Хуань цю. 25.09.2012. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJxc3W> (дата обращения: 04.08.2020).

Киреева А.А. Японо-китайский спор: Сэнкаку или Дяоюйдао? // Азия и Африка сегодня. 2013. № 10. С. 2–9.

Ма Инцзю цзун тун цзю чжи янь шо цюань вэнь : [Полный текст инаугурационной речи президента Ма Инцзю] // Reuters. 20.05.2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idCNnCT018060720080520> (дата обращения: 04.08.2020).

Ма цзун тун ти чу «дун хай хэ пин чан и» ху ю сян гуань гэ фан хэ пин чу ли дяо юй тай ле юй чжэн и : [Президент Ма Инцзю выступил с «Мирной инициативой в Восточно-Китайском море» и призвал все заинтересованные стороны разрешить спор в отношении островов Дяоюйтай мирными средствами] // МИД КР. 05.08.2012. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=12E507923C25C262 (дата обращения: 04.08.2020).

Тай вань бао дяо чуань цзинь жу дяо юй дао лян цзе хай юй : [Тайваньское судно Движения *баодяо* вошло в акваторию, прилегающую к островам Дяоюйдао] // Синь лан синь вэнь. 24.01.2013. URL: <http://news.sina.com.cn/w/2013-01-24/112726113070.shtml> (дата обращения: 04.08.2020).

Тай вань бао дяо чуань цзинь жу дяо юй дао хай юй : [Тайваньские корабли Движения *баодяо* вошли в акваторию, прилегающую к островам Дяоюйдао] // Синь лан синь вэнь. 05.07.2012. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2012-07-05/081024715562.shtml> (дата обращения: 04.08.2020).

Тай нань «ба тянь юй и тун сян» цзао кань тоу : [«Бронзовая статуя Хатта Ёити» в Тайнани обезглавлена] // Huaxia.com. 19.04.2017. URL: <http://www.huaxia.com/jjtw/jjtd/jrtw/04/5283355.html> (дата обращения: 04.08.2020).

Тай юй чуань цзинь жу дяо юй дао хай юй, сян жи хань хуа: чжэ ши тай вань лин ту : [Тайваньское рыболовецкое судно зашло в акваторию, прилегающую к островам Дяоюйдао, и открыто заявило: «Это территория Тайваня»] // Тэн сюнь синь вэнь. 25.09.2012. URL: <https://news.qq.com/a/20120925/000802.htm> (дата обращения: 04.08.2020).

Цзя Чаовэй. Жи тай гуан си дэ ли ши хэ сян чжуан : [История японо-тайваньских отношений и их развитие на современном этапе]. Пекин: Хуа и чу бань шэ, 2011. 237 с.

Чжэнь дуй жи бэнь хай шан бао ань тин сюнь ло цзянь чжуань чэнь во го хай дяо чуань лян хэ хао ши цзянь вай цзяо бу чжан оу хун лян чжао цзянь жи бэнь цзяо лю се хуэй дай бяо чи тянь вэй бяо да янь чжэн кан и : [Министр иностранных дел Оу Хунлян во время встречи с представителем Ассоциации по взаимным обменам Икэда Тадаси выразил решительный протест в связи с инцидентом потопления тайваньского рыболовецкого судна «Лян хэ» в результате его столкновения с патрульным кораблем береговой охраны Японии] // МИД КР. 12.06.2008. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=312E81BE37A69132 (дата обращения: 04.08.2020).

Чун цзин минь цзу: ма ин цзю чжу чи чжун шу яо цзи хаун ди лин дянь ли : [Почитание первопродка нации: Ма Инцзю присутствовал на главной церемонии поминовения Жёлтого императора Хуан-ди] // Хуань цю. 01.04.2016. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJUUV> (дата обращения: 04.08.2020).

Chen Mumin. Balancing or Bandwagoning? Taiwan's Role in Sino-Japan Relations // The United States between China and Japan / ed. by C. Rose, V. Teo. New Castle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 320–344.

He Yinan. Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895–2012 // Political Science Quarterly. 2014. Vol. 129. No. 3. P. 469–500.

Hoppens R. Japan-Taiwan Relations under Abe and Tsai in Historical Context // Expert Voices on Japan: Security, Economic, Social and Foreign Policy Recommendations, U.S.-Japan Network for the Future Cohort IV / ed. by A. Arthur. Washington D.C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation, 2018. P. 49–64.

Suzuki Shogo. The Competition to Attain Justice for Past Wrongs: The “Comfort Women” Issue in Taiwan // Pacific Affairs. 2011. Vol. 84. No. 2. P. 223–244.

The Implications of the Japan-Taiwan Fisheries Agreement // Nippon.com. 05.06.2013. URL: <http://www.nippon.com/en/currents/d00081> (дата обращения: 04.08.2020).

REFERENCES

Chen Mumin. (2013). Balancing or Bandwagoning? Taiwan’s Role in Sino-Japan Relations, in C. Rose, V. Teo (eds.), *The United States between China and Japan*, New Castle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing: 320–344.

Gordeyeva, I.V. (2012). Ob osobennostyakh sovremennoy pozitsii Yaponii v otnoshenii Tayvanya [About Japan’s contemporary attitude to Taiwan], *Far Eastern Affairs*, 1: 38–48. (In Russian).

Gordeyeva, I.V. (2015). Politika Yaponii v otnoshenii Tayvanya: istoriya i sovremennost’ [Japan’s policy toward Taiwan: history and present], Diss. PhD (History), Moscow. (In Russian).

He Yinan. (2014). Identity Politics and Foreign Policy: Taiwan's Relations with China and Japan, 1895-2012, *Political Science Quarterly*, 129 (3): 469–500.

Hoppens, R. (2018). Japan-Taiwan Relations under Abe and Tsai in Historical Context, in A. Arthur (ed.), *Expert Voices on Japan: Security, Economic, Social and Foreign Policy Recommendations, U.S.-Japan Network for the Future Cohort IV*, Washington D.C.: The Maureen and Mike Mansfield Foundation: 49–64.

Huan qiu. (2012). Ri fang cheng duo sou tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao 12 hai li hai yu [Japan says several Taiwanese *baodiao* boats entered 12-miles water area of Diaoyudao islands], 25 September. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJxc3W> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Huan qiu. (2016). Chong jing min zu: ma ying jiu zhu chi zhong shu yao ji huang di ling dian li [Worshipping the ancestor of Chinese nation: Ma Yingjiu attended grand ceremony for ancestor worship of Yellow Emperor Huang-di], 1 April. URL: <https://taiwan.huanqiu.com/article/9CaKrnJU4V> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Huaxia.com (2017). Tai nan “ba tian yu yi tong xiang” zao kan tou [Tainan “Bronze statue of Hata Yoichi” was decapitated], 19 April. URL: <http://www.huaxia.com/jjtw/jjtd/jrtw/04/5283355.html> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Jia Chaowei. (2011). Ri tai guan xi de li shi he xian zhuang [Relations between Japan and Taiwan: history and present], Beijing: Hua yi chu ban she. (In Chinese).

Kireeva, A.A. (2013). Yapono-kitayskiy spor: Senkaku ili Dyaoyuydao? [Sino-Japanese dispute: Senkaku or Diaoyudao?], *Asia and Africa Today*, 10: 2–9.

Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). (2008). Zheng dui ri ben hai shang bao an ting xun luo jian zhuan chen wo guo hai diao chuan lian he hao shi jian wai jiao bu zhang ou hong lian zhao jian ri ben jiao liu xie hui dai biao chi tian wei biao da yan zheng kang yi [Minister of Foreign Affairs Ou Honglian voiced vigorous protest to deputy of Interchange Association Ikeda

Tadashi for incident of Taiwanese fishing boat “lian he hao” shipwreck after collision with Japanese coastal patrol interdiction craft], 12 June. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=312E81BE37A69132 (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). (2012). Ma zong tong ti chu “dong hai he ping chang yi” hu yu xiang guan ge fang he ping chu li diao yu tai lie yu zheng yi [President Ma proposes the East China Sea Peace Initiative, calls on all parties concerned to resolve Diaoyutai dispute peacefully], 5 August. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=12E507923C25C262 (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Ministry of Foreign Affairs, Republic of China (Taiwan). (2012). Ri ben jiao liu xie hui li shi zhang jin jing zheng bai hui wai jiao bu bu zhang yang jin tian shuo ming ri ben zheng fu “guo you hua” diao yu tai lie yu zheng ce [The head of Interchange Association Imai Tadashi commented the Japanese policy of “nationalization” of Diaoyutai islands while meeting with Minister for Foreign Affairs of Taiwan Yang Jintian], 25 September. URL: https://www.mofa.gov.tw/News_Content_M_2.aspx?n=8742DCE7A2A28761&sms=491D0E5BF5F4BC36&s=7ACE3D5DDE29D6DA (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Nippon.com. (2013). The Implications of the Japan-Taiwan Fisheries Agreement, 5 June. URL: <http://www.nippon.com/en/currents/d00081> (accessed: 4 August 2020).

Reuters. (2008). Ma Yingjiu zong tong jiu zhi yan shuo quan wen [Ma Yingjiu inaugural speech, full text], 20 May. URL: <https://www.reuters.com/article/idCNnCT018060720080520> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Suzuki, Shogo. (2011). The Competition to Attain Justice for Past Wrongs: The “Comfort Women” Issue in Taiwan, *Pacific Affairs*, 84(2): 223–244.

Teng xun xin wen. (2012). Tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao hai yu, xiang ri han hua: zhe shi tai wan ling tu [Taiwanese *baodiao* boat entered water area of Diaoyudao islands, claimed to Japanese: this is territory of Taiwan], 25 September. URL: <https://news.qq.com/a/20120925/000802.htm> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Xin lang xin wen. (2012). Tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao hai yu [Taiwanese *baodiao* boats entered water area of Diaoyudao islands], 5 July. URL: <http://news.sina.com.cn/c/2012-07-05/081024715562.shtml> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Xin lang xin wen. (2013). Tai wan bao diao chuan jin ru diao yu dao lian jie hai yu [Taiwanese *baodiao* boats entered water area of Diaoyudao islands], 24 January. URL: <http://news.sina.com.cn/w/2013-01-24/112726113070.shtml> (accessed: 4 August 2020). (In Chinese).

Поступила в редакцию 08.08.2020

Received 8 August 2020

Для цитирования: Перминова В.А. Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) // Японские исследования. 2020. № 3. С. 107–122. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022

For citation: Perminova V.A. (2020). Istoricheskaya pamyat' na Tayvane i eyo vliyaniye na otnosheniya Tokio i Tayb-eya pri prezidente Ma Intszyu (2008–2016 gg.) [Historical memory and its influence on relations between Tokyo and Taipei under president Ma Yingjiu (2008–2016)], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 3: 107–122. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022